

Olga Siniova <https://orcid.org/0009-0005-4100-8492>

Independent researcher

e-mail: olga_synyova@mail.ru

Natalija Iordani <https://orcid.org/0009-0001-2709-7223>

The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

e-mail: iordani.natasha@yandex.ru

К вопросу о параллели литовских слов *eržilas*, *arklys* и древнерусского слова *орь*

Аннотация

Статья посвящена вопросу этимологии древнерусского слова **орь** и описанию его параллелей в литовском языке. По результатам анализа этимологических и толковых словарей русского и литовского языков, прокомментированы точки зрения о семантике и происхождении возводимых к **орь** слов. Особое внимание уделено примерам из русских говоров и контекстам, встречающимся в древнерусских и старолитовских источниках, в которых фиксируется исследуемая лексема; в статье представлены новые примеры со словом **орь** из древних письменных памятников. Выделенные особенности семантики позволили соотнести слова **орь** и **орити (са)** с опорой на сохранившиеся в его семантической структуре компоненты значения 'похотливый', а также в словах литовского языка, восходящих к тому же корню, что и существительное **орь**; выделены общие для этих образований семы.

Ключевые слова: этимология, историческая лексикология, лексическая семантика, литовский язык

Вводные замечания

Древнерусское слово **орь** ‘конь’, существовавшее и в других славянских языках, например, в древнепольском – **orz**, в чешском – **oř** (Фасмер, 1987: 155), представляет определенный интерес для лингвистической науки. Мы выделили два основных подхода лингвистов к поиску происхождения этой лексемы.

Первая версия, согласно которой слово **орь** восходит к праславянскому глаголу ***orati** ‘пахать землю’, нашла отражение в “Этимологическом словаре славянских языков”. В качестве литовской параллели в нем приводится слово **arklỹs** ‘конь’, ‘лошадь’, а в качестве производящей основы приводится глагол **árti** ‘пахать’¹, соотносящийся с древнерусским **орати** (ЭССЯ, 2005: 229–230).

В. Смочиньский также полагает, что литовское **árklas** и латышское **arkls** ‘соха’ восходят к прабалтийскому ***ār-tla-n**, и приводит параллель в старославянском языке – **ralo** < ***radlo**, ***ordlo**. Оба эти корня, с его точки зрения, произошли от индоевропейского ***arH-** (***arā**, ***arə-**)² (Smoczyński, 2007: 22–23).

Иную версию предложил И.И. Срезневский: в своем словаре древнерусского языка он сближает слово **орь** с глаголами **оревати** ‘быть одержимым похотью’ и **ороужатиса** ‘быть похотливым’, а также прилагательным **оревитый** ‘одержимый похотью’ (Срезневский, Т. II: 710). Эта версия нашла отражение и в “Этимологическом словаре” М. Фасмера (Фасмер, 1987: 155). Развивает эту идею и А.А. Кретов, рассматривая в качестве литовской параллели к **орь** лексему **eržilas** ‘жеребец’ и его диалектные варианты **aržilas** и **eržilis** (Кретов, 2009: 126).

В рамках данной статьи будут проанализированы оба подхода к решению вопроса об этимологии слова **орь** и даны комментарии о его литовской параллели.

Сразу отметим, что в рамках данной статьи вопрос о направлении производности в паре **орь** – **орати** и прочих случаях отдельно рассматриваться не будет. Мы будем считать слова **орь**, **arklỹs** и другие производными от глаголов, поскольку эти существительные являются неизосемичными – они выражают акциональную семантику, которая могла быть унаследована от производящей основы (Плунгян, 2011: 70).

¹ Существует точка зрения, что слово **arklỹs** ‘конь’ образовано не напрямую от глагола **árti** ‘пахать’, а через посредство существительного **árklas** ‘соха’, и в таком случае **arklỹs** и **árklas** связаны отношениями параллельной мотивации. (Lietuvių kalbos etimologinio žodyno duomenų bazė) Возможно, такая точка зрения имеет право на существование, поскольку пахали и на быках. Нашу точку зрения о направлении производности см. далее.

² Индоевропейский корень ***arH-** (***arā**, ***arə-**) в славянских языках выступает с суффиксом ***tlo-** (лишь польское **radlo** имеет параллельный индоевропейский суффикс ***-dhlo-**), в восточно-балтийских – с ***kla-**; тот же корень представлен и в греческом **ἄροτρον** и латинском **arātrum** (с суффиксом ***-tro-**) (Smoczyński, 1982: 211–240; 2007: 22).

Основная часть

Версия 1. *орь* < *opamu* ~ *arklys* < *arklas* < *arti*

Если исходить из того, что древнерусское слово **орь** образовано от глагола **орати** ‘пахать’ и выступает в качестве параллели к литовскому **arklỹs** ‘конь’, ‘лошадь’, **arklas** ‘соха’ < **arti** ‘пахать’, обе лексемы – и **орь**, и **arklỹs** ‘конь’ – должны были бы сохранить в своей семантической структуре семы, связанные с пахотными работами.

Это оказывается верным для **arklỹs** ‘конь’. В “Словаре литовского языка” (Lietuvių kalbos žodynas, далее LKŽ) для этой лексемы предлагается следующее толкование: ‘naminis vienanāgis gyvulỹs, kuriuõ dirbama, važiuojama, jójama’ – ‘домашнее непарнокопытное животное, на котором работают, ездят, скачут верхом’. В этом отношении существительному **arklỹs** противопоставляется слово **žirgas**, семантика которого описывается как ‘gražus jójamas arklỹs’ – ‘красивый конь для верховой езды’. Если обратиться к иллюстративному материалу, можно найти контексты, где речь идет о том, что животное, названное словом **arklỹs** ‘конь’, используется для обработки земли:

(1) *Sunkus darbas per dieną prie arklių* (LKŽ)

‘Трудная работа с **конями** (?) в течение дня’.

В некоторых контекстах лексемы *arklỹs* и *žirgas* противопоставлены:

(2) *Žirgas yra žergamasis, arklys aramasis* (*ibidem*)

‘Верхового **коня** седлают, на рабочем **коне** (?) пахут’

Очевидно, что дословному переводу этот литовский пример не поддается, поскольку существующие в русском языке пары **лошадь/конь** или **конь/жеребец** нарушают смысл противопоставления в литовском присловье.

(3) *Art, akēt – tai arklys, o lengvai važinēt, raitam užsėst – tai žirgas* (*ibidem*)

‘Как пахать, боронить – так рабочий **конь**, а как налегке ездить, верхом сесть – так верховой **конь**’

(4) *Koks čia arkliukėlis – ką su juo dirbsi?* (*ibidem*)

Букв. пренебрежительно: ‘Какой тут **коник** – что с ним наработаешь?’

Указаны и виды сельскохозяйственных работ:

(5) *Su arkliais sodinkit bulbes* (*ibidem*)

‘С помощью **коня** сажайте картошку’.

(6) *Mes pjaunam arkliami avižas* (*ibidem*)

‘Косим с помощью **коней** овёс’.

Семы, унаследованные словом **arklys** от глагола **arti** ‘пахать’, стали базой для фразеологизмов. Например:

(7) *Dirba kaip juodas arklys* (*sunkiai dirba*) (*ibidem*)

‘Он работает как ломовая **лошадь** (дословн. как **черный конь**³), то есть ‘тяжело работает’.

³ В русском языке словосочетание **чёрный конь** означает масть (породу), употребляется как поэтический образ.

Таким образом, литовское слово **arklys** ‘конь’ вплоть до настоящего времени сохраняет семантический компонент, связанный с сельскохозяйственными работами, как память о своей производящей основе, см. также **arklas** ‘соха’ < **arti** ‘пахать’.

Если предположить, что лексема **орь** соотносится с литовским **arklys** ‘конь’ и является образованием от глагола **орати** ‘пахать’, возникает вопрос, почему уже в древнейших текстах это слово не сохраняет связи со своей производящей основой в отличие от своей литовской параллели? В “Словаре русского языка XI–XVII вв.” (далее СлРЯ XI–XVII) **орь** толкуется как ‘конь, жеребец’ (СлРЯ XI–XVII, Вып. 13: 74), а в контекстах, доступных для интерпретации⁴, нет никакой отсылки к каким бы то ни было пахотным работам. Это наблюдение ставит под сомнение предположение о родстве слов **орь** и **орати**.

Версия 2. **орь** < **oritu** (са) ~ **eržilas** < **aržus**

Как было сказано в разделе “Вводные замечания”, И.И. Срезневский, а вслед за ним М. Фасмер соотносят слово **орь** с лексемами **оревати** ‘быть одержимым похотью’ и **ороужатиса** ‘быть похотливым’ и оревитый ‘одержимый похотью’. Аналогии И.И. Срезневского кажутся весьма убедительными, поскольку каждая из приведенных им лексем (**оревати**, **ороужатиса** и **оревитый**) встречается в ограниченном числе контекстов, связанных с лошадьми. Так глаголы **оревати** и **ороужатиса** фиксируются в Златоусте XVI в.:

(8) **кони орююще быша** (ἵπποι θηλυμανεῖς ἐγύνοντο) (СлXI–XVII вв., Вып. 13: 66).

(9) **наречеѣ кона ороужающася** (θηλυμανεῖς) (*ibidem*: 71).

Слово **оревитый** встречается в другом книжном тексте – в Апокалипсисе XIII в.:

(10) **до оузды же, сирѣць орѣвитыхъ конь** (ἵπποι θηλυμανεῖς) (*ibidem*: 66).

В таком случае, можно считать, что слово **орь** не соотносится с **орати** ‘пахать’, а имеет отношение к праславянскому глаголу ***oriti** (se) ‘соблазнять’. В древнерусских источниках эта лексема не обнаруживается, однако одна из форм этого глагола была зафиксирована в старославянском памятнике – Супрасльской рукописи:

(11) **арикъ что ма ориши что мажеша масломъ главж мойж** (τί με καθέλκεις) (Slovník Jazyka Staroslověnského, T. 2, 1973: 555).

‘Арий, зачем ты меня **соблазняешь**, мажешь маслом мою голову?’

Подтверждают предложенную И.И. Срезневским версию происхождения слова **орь** и контексты, встречающиеся в древнерусских памятниках письменности. Дело в том, что слово **орь** является низкоупотребительной лексемой: в литературе описывается всего три источника, где встречается эта языковая единица. Один из них – это Хроники Георгия Амартола, переводной памятник XI в., дошедший до нас в списках XIV и XV вв. (Истрин, 1920: 9), пример из которого в своем словаре приводит И.И. Срезневский:

⁴ Контексты употребления слова **орь** в древнерусских источниках и их подробный анализ представлен далее в разделе «Версия 2. **орь** < **oritu** (са) ~ **eržilas** < **aržus**».

(12) **Лютыя же и лоукавы въ зміа преложи, хыщники* въ волкы, льстивы же в лисица, женьскаго* прелога любящи въ ворѣ⁵ (εις ἴπλους) (Истрин, 1920: 414).**

Мы полагаем, что выбор слова **орь** именно в этом фрагменте был неслучаен. Здесь речь идёт о том, как грешники, которые ведут себя подобно животным, в них же и будут превращены. Получилось, что лживые люди были обращены в змей, разбойники – в волков, льстивые – в лисиц, а любящие женский пол **въ орѣ** – ‘жеребцов’.

Скорее всего, переводчик использовал в данном контексте именно эту лексему, а не более распространенное **конь** с определенной целью: книжник подобрал слово, которое более точно передаёт содержание оригинала.

В другом контексте слово **ἵπλος**, встречающееся в греческом оригинале, переводится как **конь**:

(13) **Иезекилемъ гл҃тъ Г҃ь: се наведу Навходоносора ц҃рѣ Вавилоньскаго, иже ксть ц҃рь ц҃рмѣ на конихъ и колесницахъ събраникмъ странъ многихъ з҃бѣло (Истрин, 1920: 187).**

‘Говорит Господь через пророка Иезекииля: «Я наведу [на город Тир] Навходоносора, Вавилонского царя, царя царей, с **конями** и колесницами, с войском из многих стран»’.

В приведенной выше выдержке из текста речь идет о царской коннице, о лошадях, использующихся на поле боя, поэтому, на наш взгляд, переводчик выбирает слово **конь**, а не **орь**, которое в силу иного понятийного содержания едва ли было бы уместным в данном контексте.

Другой древнерусский текст, в котором находим слово **орь** – в Повести об Акире Премудром, источнике XI–XII вв., переведенном с армянского языка, сохранившемся в списке XV в. (Творогов, 2004: 363). Имя существительное **орь** используется в нем при переводе интересного эпизода повести, в котором египетский царь Фараон загадывал загадки мудрому советнику Акиру. Одна из них звучала следующим образом:

(14) **Акире, исправи ми се слово: како оже твоего княза ориве ржуть на Адорстѣи и Наливстѣи землѣ, то наши кобылы жеребѣта измещутъ на сей землѣ (Национальный корпус русского языка, далее НКРЯ).**

‘Акир, разреши мне такую загадку: когда **кони** твоего повелителя ржут в Адорской и Наливской земле, то наши кобылы жеребят рожают в нашей земле’.

Акир же, видя неразрешимость загадки, перехитрил Фараона, вынудив его признать, что это невозможно, поскольку от Египта до Адорской земли тысяча и восемьдесят верст.

Показательно, что в приведённой выше цитате у слова **орь**, актуализируется значение, связанное с репродуктивной функцией животного, что сближает ее с выдержкой из Хроники Георгия Амартола, описанной в пункте (12). В то же время

⁵ Слово **орь** употребляется в этом контексте не только в списке XV в. из собрания Ундольского, принятого В.М. Истриным в качестве основного для этой части Хроники Георгия Амартола, но и в Уваровском списке, датированном 1456 г., где лексема приводится с другой флексией – **въ орѣ** (Истрин, 1920: 414). Следовательно, передача греческого ἵπλος ‘конь’ как **орь** в этом контексте восходит к протографу.

в Повести об Акире Премудром также встречаются контексты, где фиксируется слово **конь**. Обратимся к ним:

(15) **Сыноу, коня не имѣ, на чюжемь не ѣзди, аще бо опѣшаеши, и посмѣють ти сѧ** (НКРЯ).

‘Сын мой, не имея **коня**, на чужого не садись, если он сбросит тебя, то люди посмеются над тобой’.

(16) **И нача Анаданъ [...] растачати домъ мои безъ милости, и бише рабы мо и рабыни мо, и милы мо прѣд очима моима великими ранами, и коня и ослата моа оумаряюще безъ милости** (*ibidem*).

‘И стал Анадан [...] бездумно расточать мои богатства, и жестоко истязать рабов, рабынь и любимцев моих на глазах у меня, и **коней**, и ослон моих безжалостно мучить’.

(17) **Недостойно ти, Акире, господине мои, боле сего словеси рещи, но милоуи ма! Оже къ Богоу согрѣшитъ человекъ, и проститъ и. И ты также ма прости: коня твоего говна кидая, любо свиным твоимъ пастоухъ воуду** (*ibidem*).

‘Недостойно тебя, Акир, мой господин, далее говорить подобные слова, но пощади меня! Когда человек согрешит перед Богом, то простит его Бог. И ты также меня прости: навоз после **коней** твоих буду убирать, либо свиной твоих пасти буду’.

Интересно, что эти контексты, в отличие от цитаты в пункте (14), не выражают никаких смыслов, связанных со способностью животного к размножению, поэтому переводчик, вероятно, использует **конь**, а не **орь**: в семантической структуре слова **конь** не содержится сема ‘похотливый’.

В научной литературе также обнаружены два примера употребления слова **орь**, не попавшие в исторические словари. Приводятся они в работе А.А. Кретова, который ссылается на материалы диссертации В.И. Хитровой, посвященной лексике воронежского говора XVII в.:

(18) *Перерубил он (крестьянин)... двое лошадей у хлеба **ор** игрен на четвертое да кобылу трех лет.* 1666 г. (Кретов, 2009: 128).

(19) *Взяли те воровские люди троих лошадей кобылу шерстью чалу да мерина шерстью рыжева да **оря** шерстью в соврасе гнедь.* 1680 г. (*ibidem*).

В этих контекстах слово **орь** выступает наряду с другими лексемами, обозначающими это животное, что свидетельствует о том, что **орь**, **лошадь**, **кобыла** и **меринъ** имеют референцию к разным объектам внеязыковой действительности, которые выполняли разные функции.

В процессе исследования также удалось обнаружить ещё одно употребление слова **орь**, которое прежде не было описано другими лингвистами; речь идёт об одном из самых древних юридических текстов – Закона судного людем, известного также как Судебник царя Константина, переведённого с греческого языка в XI в. и дошедшего до нас в списках XIII–XV вв. (Тихомиров, Милов, 1961: 9). В одном из списков этого источника, включённого в состав Софийской I летописи, изданной в серии “Полное собрание русских летописей” (далее ПСРЛ), описываются санкции, накладываемые за нанесение увечья чужим животным:

(20) **Оже кто волъ бьетъ, **орь**, да тепочтъ его. Аще ли оуразитъ, да заплатитъ, тако же и конь** (ПСРЛ, Т. VI: 165).

‘Если кто-то ударит вола или жеребца, пусть накажут его. Если же кто-то ранит, то заплатит (штраф), так же и за (увечья) коня’.

Это употребление представляет особый интерес в рамках исследуемой темы: дело в том, что в этом контексте встречаются оба слова – и **орь**, и **конь**, причем они разводятся в разные части суждения. Следовательно, лексемы **орь**, и **конь**, обозначали разные понятия, которые не были взаимозаменяемы.

Таким образом, мы полагаем, что слово **орь** сохранило в своем лексическом значении компонент ‘похотливый’. Возможно, именно эта специфическая сема повлияла на частотность употребления слова: оно казалось писцам и переводчикам уместным лишь в особых контекстах, где в фокусе внимания оказывалось половое поведение животного.

Особый интерес в рамках исследования семантики и происхождения слова **орь** представляют материалы русских говоров. Так, например, по данным “Словаря русских народных говоров” (далее СРНГ) исследуемая лексема сохранилась в рязанских говорах со значением ‘жеребец, страдающий болезнью половых органов, приводящей к бесплодию’ (СРНГ, Вып. 23: 349). Вероятно, с течением времени значение слова трансформировалось: если в древнерусском языке слово **орь** обозначало животное, охарактеризованное по признаку ‘похотливый’, ‘способный к размножению’, то впоследствии на первый план в его значении вышло значимое отсутствие этого свойства.

В словники “Этимологического словаря” М. Фасмера (Фасмер, Т. 2: 150) и “Словаря русских народных говоров” (СРНГ, Вып. 23: 334) также включена лексема **оревина** со значением ‘нехолощеный бык’, которое рассматривается как производное от **орь**. Встречается это слово с тем же значением и в словаре В.И. Даля (Даль, Т. 3: 713).

А.А. Кретов рассматривает и другие лексемы как родственные **орь**: слова **кнороз**⁶, **кнур** (с вариантами вокализма **кнурь**, **кныр**, **кнор**, **кнюр**) и уменьшительно-ласкательную форму **кнурок**, использовавшиеся для наименования нехолощеного быка. Исследователь предполагает, что эти лексемы образовались в результате присоединения к корню праславянской приставки ***кьп-**, которая имела значение ‘с’ (Кретов, 2009: 130).

Интересно, что слово **кнур**, как показывают данные “Словаря русских народных говоров”, может использоваться и по отношению к мужчине. Образованный от **кнур** глагол **кнурить** со значением ‘вести себя как кнур’, зафиксированный в воронежском говоре, сопровождается в этом словаре иллюстративным материалом, в котором речь идет о половом поведении мужчины (СРНГ, Вып. 13: 345):

(21) *Парень-то кнурит.*

Такое же значение глагола **кнурить** обнаружено нами и в Словаре тюремного жаргона, где это слово сопровождается дефиницией ‘ухаживать за девушкой’ (Хоменко, 1997).

⁶ Слово **кнорозъ** также фиксируется в древнерусских источниках: И.И. Срезневский обнаружил одно употребление в одном из списков жития Варлаама и Иосафа, датируемого XV в.: *яко да оцловить елень или кнорозъ* (Срезневский, Т. 1: 1238).

В таком случае возникает вопрос, существует ли в литовском языке слово, родственное древнерусскому **орь** и связанное с праславянским глаголом ***oriti (se)**, обладающее семантикой полового поведения. Особый интерес здесь представляет словообразовательное гнездо с корнем **-arž-**, в которое входят прилагательное **aržūs** 'похотливый', существительные **aržà** 'похоть'. Образуется от этой основы и слово **eržilas** 'жеребец', представленное в говорах литовского языка как **aržilas, eržalas, eržilis, erziokas, ergis** (Klimavičius, 1993: 16), которое мы склонны рассматривать в качестве параллели к слову **орь**.

В письменных текстах впервые слово **eržilas** фиксируется в Библии 1590 г., переведенной Й. Бреткунасом (BIBLIA tatai eifti Wifsas Schwentas Raščtas, Lietuwifchakai pergulditas per Janą Bretkuną Lietuwos pleboną Karaliacziui 1590). Эта рукопись приводится в картотеке К.Буги как BBSir33,6.

(22) Kaip eržils žvengia visų ešvų. (LKŽ), (Klimavičius, *ibidem*)

'Как жеребец ржет, (призывая) всех кобыл'

Здесь **ešva** то же, что древняя литовская лексема **ašva** 'лошадь', 'кобыла'. Этот контекст соотносится с примером из Повести об Акире Премудром, приведенном выше под номером (14).

Кроме того, отметим 4 контекста в полном переводе на литовский язык протестантской Библии 1735 года, изданной в Караялчюсе, названной в честь Йонаса Йокубаса Квантаса, спонсировавшего перевод (Jono Jokūbo Kvantos Biblija). В двух контекстах, на наш взгляд, эта лексема сохраняет семантический компонент 'похотливый':

(23) Kaipgi aš gallu taw maonus buti? Kadangi tawo waikai manę praštoja, ir bąžiija prie to, kas Diewu ne yra. O dabbar, kaip aš jūs pafótinau, jie pérženg wenczawonyftę, ir bėg į kekšės nammus. Kožnas žweng fawo ártimo moteriškės, kaip nušėrt išlepę eržilai (Иер. 5: 7, 8)

Kaipgi aš galiu tau malonus buti, kadangi tavo vaikai mane praštoja ir bažijas prie to, kas Dievu ne yra? Ir dabar, man juos pasotinus, jie peržengia venčiavonystę ir bėga į kekšės namus. Kožnas žvengia savo artymo moteriškės, kaip nušerti išlepę eržilai (Орфография сохранена по источнику здесь и далее)

'Как же Мне простить тебя за это? Сыновья твои оставили Меня и клянутся теми, которые не боги. Я насыщал их, а они прелюбодействовали и толпами ходили в дома блудниц. Это откормленные **кони**: каждый из них ржет на жену другого'⁷ (Синодальный перевод)

В литовском тексте буквально: '...А сейчас, когда я их насытил, они перешагнули заповедь не прелюбодействуй и бегут в дома блудниц. Каждый ржет на жену ближнего, как откормленные избалованные **жеребцы**'.

(24) Alle ji fawo kekšáwimo wis už wis daugiaus pridėjo; minnédama czéfo fawo jaunyftės, kaipji Egipto žémeje kekšáwimą buwo fékufi. Ir uffidegge ant fawo mylimujų,

⁷ В качестве перевода используется Синодальный перевод Библии на русский язык, впервые изданный в 1876 г., но также предлагается фрагмент дословного перевода, соответствующий стилистической маркированности литовского текста.

kurrû kekšyftës uffideggiņas buwo kaip áfilû paėjimmas, ar kaip éržilû erzėlawim's (Иез. 23: 19, 20).

Ale ji savo kekšavimą vis už vis daugiaus padidino, minėdama česo savo jaunystės, kada ji Egipto žemėje kekšavimą buvo sekusi; Ir užsidegė ant savo mylimųjų, kurių kekšystės užsidegimas buvo kaip asilų paėjimas, arba kaip eržilų eržilavimas

‘И она [Огола] умножала блудодеяния свои, вспоминая дни молодости своей, когда блудила в земле Египетской; и пристрастилась к любовникам своим, у которых плоть – плоть ослиная, и похоть, как у **жеребцов**’.

В литовском тексте смысл «похоть как у жеребцов» передается редупликацией, глагол не поддается дословному переводу: ‘жеребьячье поведение жеребят’.

Существуют контексты, в которых слово **eržilas** такую семантику не развивает, тем не менее подчеркивается особая их сила:

(25) Aš mattau ir girdžiu, jūsnieko tikkro ne mokinnanczus. Neywieno nier', kurram gailabutu dėl fawo nelabummo, ir tartu: Kagi taczau aš darrau? jie wiifii bėga fawo bėgimma, néy iniršes eržil's kowoj' (Иер. 8: 6).

Aš matau ir girdžiu, juos nieko tikro ne mokinančius. Nei vieno niera, kuriam gaila butų dėl savo nelabumo ir tartų: “kagi tačiau aš darau?” Jie visi bėga savo bėgimą, lyg įniršęs eržilas kovoje.

‘Я наблюдал и слушал: не говорят они правды, никто не раскаивается в своем нечестии, никто не говорит: «что я сделал?»; каждый обращается на свой путь, как **конь**, бросающийся в сражение’.

Буквально: ‘Я вижу и слышу их, ничего по-настоящему не умеющих. Ни одного нет, кто сожалел бы о своем нечестии и сказал бы: “что же я тем не менее делаю?” Все они совершают (буквально ‘бегут’) свой бег, словно разъяренный **жеребец** в бою.’

(26) Todėl, ką jūs tūmi džiaugiatės ir girratės, ką mano tėwonyftės dalyką išdráfkėt'; ir špirret kaip išdykėje weršei, ir žwėngiat kaip drutiejai eržilai (Иер. 50: 11).

Todėl, kad jus tuomi džiaugiatės ir giriatės, kad mano tėviškės dalyką išdraskėte, ir spiriate, kaip išdykėjie veršiai, ir žvengiate, kaip drutiejai eržilai

‘Ибо вы веселились, вы торжествовали, расхитители наследия Моего; прыгали от радости, как телица на траве, и ржали, как боевые **кони**’.

Буквально: ‘сильные жеребцы’, хотя в подобном случае, судя по употреблению в фольклорных текстах, ожидаемой лексемой была бы **žirgas**.

Анализ контекстов переводов Библии 1590 и 1735 годов свидетельствует о том, что уже в начале письменного периода слово **eržilas** в своем лексическом значении в виду признаковой семантики соотносилось с прилагательным **aržūs** ‘похотливый’ – и содержало в своей семантической структуре сему ‘похотливый’.

Описываемая семантика лексемы **eržilas** сохранилась и в современном литовском языке.

В произведениях литовского фольклора или текстах этнографического характера лексема **eržilas** употребляется редко, иногда в качестве синонима к **žirgas**:

(27) <...> obuolmušius žirgus paliko jam mirdamas tėvas ir įsakė juos saugoti kaip savo akį, tardamas – kol **eržilai** obuoliuoti bus, tol ir jo gyvenimas bus kaip obuolys (К. Boruta. Baltaragio malūnas)

<...> коней в яблоках, умирая, оставил ему отец и наказал их беречь как зеницу ока, молвя – пока жеребцы в яблоках будут, до тех пор и жизнь его будет как яблоко’.

Преимущественное употребление лексем **žirgas** и **arklỹs** в фольклорных и этнографических текстах объясняется мифическим содержанием образов этих животных в стилистически высоком или нейтральном сказовом контексте. Иначе дело обстоит в литовских поговорках, актуализируемых в устной речи. Среди литовских пословиц и поговорок с ключевым словом **eržilas** обнаружены два высказывания, построенные на сравнении неподобающих манер человека с поведением жеребца, именно **eržilas**, а не **kumelỹs**. При этом для обозначения самки используется лексема **kumelė**:

(28) *Lenda į akis kaip eržilas į kumelę*

О назойливом человеке: ‘Лезет в глаза, как **жеребец** на кобылу’.

(29) *Žvengia kaip eržilas, kumelę pamatęs*

О несдержанном поведении человека: ‘Ржет, как **жеребец**, кобылу завидев’.
(Lietuvių patarlės ir priežodžiai, Т. II, 2000: 27)

(30) *Kaip eržilas, nesiskaitė visai su žmonėm*

‘Как **жеребец**, не считался совсем с людьми’ (карточка к LKŽ №12)

Как показывают данные “Словаря литовского языка”, в современный период для лексемы **eržilas** выделяется несколько лексико-семантических вариантов. В первом значении слово содержит сему функция ‘предназначенный для размножения’: ‘veislinis kumelỹs’ ‘породистый, племенной жеребец’. Второе значение **eržilas** – ‘nevedęs vyras, viengungis’ ‘неженатый мужчина, холостяк’, на наш взгляд, могло развиваться у слова именно на базе семы ‘похоть’. В качестве иллюстрации для этого значения в “Словаре литовского языка” приводится цитата из произведения о литовских обычаях “Lietuvių būdas” Симонаса Даукантаса, известного литовского писателя-просветителя XIX в.:

(31) *Iškaršti tėvo namūse mergaitei ar eržilui godu buvo.*

‘Состариться в отчем доме девице или молодому человеку (букв. ‘жеребцу’) желанно было.’

Отметим, что корректность этого примера вызывает сомнение, так как L. Bončkute установила, что словом **eržilas** или **kavaliarius** (в других случаях), Симонас Даукантас переводит латинское слово *eques* ‘всадник’, например: “*liepė eržilui savo rūmų*”, “*noris nėra raštų to eržilo*”, “*nuogąstavo šiaurės eržilo kaipo nuožmaus lietuvio*”, хотя в словаре К. Сирвидаса (К. Sirvydo “*Trijų kalbų žodynas*”) есть подходящее слово **raytas, raytinikas** – ‘верховой, всадник’ (Bončkute, 2009: 358)

В литовской разговорной речи в обыденных ситуациях часто употребляется оценочное по отношению к любвеобильному мужчине **eržilas**. В качестве примера приведем диалог пасынка Френка и его отчима Пэдди из романа Колин Маккалоу “*Erškėčių paukščiai*” (“Поющие в терновнике”) в переводе на литовский язык, в котором в качестве уточняющего повтора для **eržilas** употреблено ещё **rujójantis tēkis: rujóti** – ‘быть в течке’, лексема **tēkis** дана в словаре как ‘хряк’, ‘баран’:

(32) *... bet jėgos man užteks sumalti bet ką – ir tave, senas pasmirdęs eržile!*

Pedis suprato, kodėl buvo šitaip pavadintas; jis išblyško kaip ir sūnus.

– *Kaip tu drįsti!*

– *O kas gi tu, jei ne eržilas? Šlykštus, bjauresnis už rujojantį tekį! Ar negali duot jai ramybės, ko lendi prie jos?* (Colleen McCullough: *Erškėčių paukščiai* (Часть II, глава 5)⁸

Такое соответствие предпочел переводчик для употребленных в оригинале слов **old he-goat** и **a ram in rut** (буквально: ‘баран в гоне’); русский переводчик выбрал словосочетания **старый козёл** и **скот похотливый**, эксплицируя сему полового поведения.

В литовском языке также употребительно прилагательное **eržingas** ‘страстный’, синоним слова **aržūs** ‘горячий’, ‘страстный’, ‘сильный’. Производным от основы **-eržil-** является слово **išarža**⁹, значение которого описывается как ‘kastruotas gyvulys’ – ‘кастрированное животное’ (в русском языке – **мерин**) или ‘gyvulus nesveikais lyties organais’ ‘животное с нездоровыми половыми органами’. Интересной здесь кажется его словообразовательная структура: корень **-arž-** в сочетании с приставкой **iš-**, родственной праславянскому предлогу-приставке ***iz-** (Фасмер, Т. 2: 119–120), можно определить как ‘выведенное из состояния похоти’.

Именно наличие семы ‘похоть’ отличает слово **eržilas** и родственные ему слова от других лексем литовского языка, обозначающих коня. При этом слово **arklys** является родовым понятием по отношению ко всем лексемам со значением этого животного; **kumelys** – ‘жеребец 3–6 лет’, **kumėlė** – ‘кобыла, кобылица’ → **kumelinga** ‘жеребая’, **kumeliukas** ‘жеребёнок до 2–3 лет’; **kumeliuotis** ‘жеребиться’. Слово **eržilas** толкуется в “Словаре литовского языка” (LKŽ) через **kumelys** и **arklys**: **veislinis kumelys** или **veislinis arklys** ‘заводский жеребец’, ‘заводский конь’ (‘племенная лошадь’), что само по себе требует лексикографических коррективов. Обращаем также внимание, что лексема **kumelys**, **-ė** образует пару по роду, выраженную грамматически, то есть флексией. То же можно сказать о древней лексеме для обозначения коня **ašvis** (санскр.: **aśvas**) – **ašvā**, **ešvā**, вариант **ašvienė** – **ašvienis** (**ašvienys** у жемайтов ‘рабочий конь’), практически не употребляемой в современном литовском языке (Klimavičius, 1993: 14–16). Для слов **eržilas**, **arklys**, **žirgas**, **kuinas** (иронич.) подобную семантически мотивированную пару с семой ‘пол’ литовцы обычно строят только с лексемой **kumėlė**, хотя в значениях ‘кляча’ есть еще слово **kėvė**; такое отсутствие коррелятов по роду для именованной самки и самца, обусловлено преобладанием семы ‘функция’.

Если говорить об индоевропейских истоках слова **eržilas** и родственных ему слов, то многие исследователи возводят корень **-erž-** / **-arž-** к ***orǵh-**, ***erǵh-**, ***rǵh-** ‘яичко’ (Buck, 1949; Pokorny, 1951; Smoczyński, 2007). Следовательно, лексемы орё и кнорозь, соотносимые с **eržilas**, также восходят к этому же индоевропейскому корню, что объясняет специфическую их семантику.

⁸ “<...> I’m big enough to lick any man ever born – and that goes for you, too, you stinking old he-goat!”. The inference behind the epithet was not lost on Paddy; he went as white as his son. “Don’t you dare call me that!”. “What else are you? You’re disgusting, you’re worse than a ram in rut!” “What else are you? You’re disgusting, you’re worse than a ram in rut! Couldn’t you leave her alone, couldn’t you keep your hands off her?” – буквально: ‘баран в гоне’.

⁹ Интересно, что слово **išarža** ‘кастрированное животное’ или ‘животное с нездоровыми половыми органами’ соответствует семантике слова *оревина*, зафиксированному в рязанских говорах со значением ‘жеребец, страдающий болезнью половых органов, приводящей к бесплодию’ (СРНГ, Вып. 23: 349).

Слова, входящие в лексический состав других индоевропейских языков, возводимые этимологами к этому корню, можно свести в следующую схему:

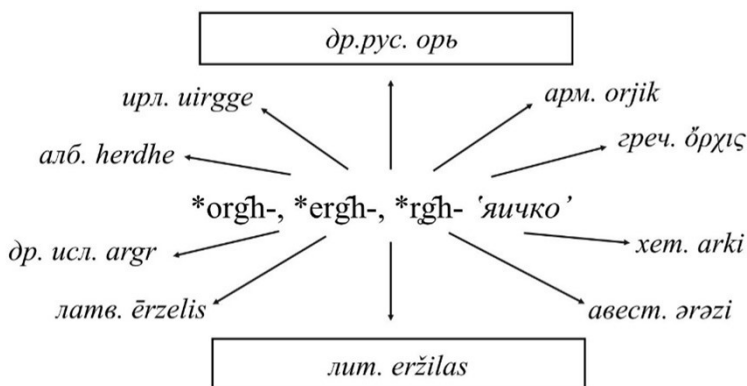

Схема 1. Родственные слова индоевропейских языков как результат рефлексов корня *orǵh-, *erǵh-, *rǵh-

Получается такое географическое распределение индоевропейских рефлексов *orǵh-, *erǵh-, *rǵh-: армянский, албанский, греческий, языки балтийские, германские, индийские, славянские, а также хеттский.

Выводы

Анализ новых контекстов, представленных в древнерусских источниках, показывают, что слово **оръ** не просто обозначало животное, но и содержало в своей семантической структуре семы 'похоть', 'половое поведение', что подтверждает высказанное И.И. Срезневским и М. Фасмером предположение о его связи с лексемами **орүжатиса** 'быть похотливым', оревитый 'одержимый похотью', **оревати** 'быть одержимым похотью'.

Производящей основой для исследуемой лексемы стал глагол **орити (са)** 'соблазнять', а не глагол **орати** 'пахать'. Литовской параллелью для древнерусского **оръ** мы считаем не **arklys**, а существительное **eržilas / aržilas** 'жеребец', которое в XVI–XVIII вв., так же, как и в современном литовском языке, частично сохраняет связь с родственными словами **aržus** 'похотливый', **arža** 'страсть', 'похоть', и **išarža** 'кастрированное животное' или 'животное, страдающие заболеванием половых органов'.

Современное литовское слово **eržilas / aržilas** сохраняет сему 'активное половое поведение', хотя в книжных текстах может употребляться так же, как русское **жеребец** в немаркированных контекстах, но слово **оръ** по семантическому компоненту 'половое поведение' всегда будет противопоставлено лексемам, обозначающим это животное. Лексема **оръ** является низкоупотребительной лексемой. Реже, чем **žirgas**

и *arklys*, употребляется слово *eržilas* в литовских сказках, народных песнях и проч. текстах малых жанров фольклора. Очевидно, что так же, как в контекстах со словом **орь**, специфическая сема 'похоть' повлияла на частотность употребления лексемы в книжных текстах.

В доступных для анализа контекстах внимание концентрируется на репродуктивных способностях животного, у которого есть **arž** < ***orz**(ь) 'яичко', что позволяет отнести древнерусское **орь** и литовское *eržilas*, а также родственные им слова к индоевропейскому корню ***orǵh-**, ***erǵh-**, ***rǵh-** 'яичко'. Семный анализ слов **орь**, конь, *eržilas*, *arklys*, *kumelis*, а также контексты, анализ слов в узусе, подтверждают логику существующих реконструкций и распределения индоевропейских рефлексов ***orǵh-**, ***erǵh-**, ***rǵh-** 'яичко'.

Литература

Библия или Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Заветъ в русскомъ переводѣ (1908), Москва.

Даль В.И. (1881), *Оревина*, "Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2", Санкт-Петербург, с. 713.

Даль В.И. (1881), *Орь*, "Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2", Санкт-Петербург, с. 713.

Истрин В.М. (1920), *Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование, словарь. Том I: текст*, Петроград.

Кретов А.А. (2009), *Этимология праславянских *къноръъ~ *къногьъ~ *орьъ*, "Славянские этимологии. Издательство Воронежского государственного университета", Воронеж, с. 98–133.

Национальный корпус русского языка, <https://ruscorpora.ru/new/index.html> [доступ: 25.07.2022].

Плунгян В.А. (2011), *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва.

Словарь русских народных говоров. Вып. 13 (1977), Ленинград.

Словарь русских народных говоров. Вып. 23 (1987), Ленинград.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К–Крагуарь) (1980), Москва.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13 (Опасъ–Отрабыватися) (1987), Москва.

Софийская I летопись (2000), "Полное собрание русских летописей. Т. VI", Москва.

Срезневский И.И. (1989), *Оревати*, "Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 1: Л–О", с. 706.

Срезневский И.И. (1989), *Оревитый*, "Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 1: Л–О", с. 706.

Срезневский И.И. (1989), *Оружатися*, "Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 1: Л–О", с. 709.

- Срезневский И.И. (1989), *Орь*, “Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 1: Л–О”. с. 710.
- Творогов О.В. (2004), *Повесть об Акире Премудром*, “Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI–XII вв.”, Санкт-Петербург.
- М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов (1961), *Закон Судный людем*, Москва.
- Фасмер М. (1987), *Оревина*, “Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Т. 3 (Муза – Сят)”, Москва, с. 150
- Фасмер М. (1987), *Орь*, “Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Т. 3 (Муза – Сят)”, Москва, с. 155.
- Хоменко О.Б. (1997), *Кнурить*, “Язык блатных. Язык мафиози. Энциклопедический синонимический словарь. Т. 1”, <https://law.wikireading.ru/hojrGKQp7R> [доступ: 28.03.2023].
- Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Вып. 32* (2005), А.Ф. Журавлев, О.Н. Трубачев (ред.), Москва.
- Jono Jokūbo Kvantu Biblija (1735), <http://sr.lki.lt/> [доступ: 28.03.2023].
- Bončkute R. (2009), *Alberto Vjuko Jalavičiaus veikalas “Historia Litwana” recepcija Simono Daukanto darbe „Istorija Žemaitiška“*, “Senoji Lietuvos literatūra. Кnyga 27”, с. 353–377.
- Boruta K. (2002) *Baltaragio malūnas. Arba kas dėjosī anuo metu Paudruvės krašte*, Vilnius.
- Bretkūnas J. (1590), *Biblia tatai esti Wissas Schwentas Raschtas Lietuwischkai pergulditas per Janą Bretkuną...*, Karaliaučius.
- Klimavičius J. (1993), *Arklys, žirgas, eržilas, kumelys, kumelė, ašva, ašvienis. Šių žodžių reikšmės ir kilmė*, “Liaudies kultūra”, №5. Vilnius, с. 14–16.
- Lietuvių kalbos etimologinio žodyno duomenų bazė*, etimologija.baltexus.lt [доступ: 22.03.2023].
- Lietuvių kalbos žodynas*, <http://www.lkz.lt> [доступ: 28.03.2022].
- Lietuvių patarlės ir priežodžiai* (2000–2008), Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas. Vilnius, I–II t, с. 27–28.
- McCullough C. (1977), *Erškėčių paukščiai*, <http://libcat.ru> [доступ: 28.03.2023].
- Pokorny J. (1959), *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, [IEW], <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/index.h> [доступ: 28.03.2022].
- Pokorny J. (1989), *Indo-European Etymological Dictionary Indo-European Lexicon*, Pokorny Master PIE Etyma URL: utexas.edu, с. 782
- Slovník Jazyka Staroslověnského. Lexikon linguae paleoslovenicae. T. 2* (1973), Praha.
- Smoczyński W. (2007) *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno.
- Sirvydas K. (1713) *Trijų kalbų žodynas*, Vilnius.

References

Biblija ili Knigi Svyashchennago Pisaniya Vethago i Novago Zavreta v russkom perevodě (1908), Moskva.

- Bončkute R. (2009), *Alberto Vijuko Jalavičiaus veikalas "Historia Lituana" recepcija Simono Daukanto darbe „Istorija Žemaitiška“*, "Senoji Lietuvos literatūra. Knyga 27".
- Boruta K. (2002), *Baltaragio malūnas. Arba kas dėjosi anuo metu Paudrūvės krašte*, Vilnius.
- Bretkūnas J. (1590), *Biblia tatai esti Wissas Schwentas Raschtas Lietuwischkai pergulditas per Janą Bretkuną...*, Karalyauchus.
- Dal' V.I. (1881), „Or“, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 2*, Sankt-Peterburg, s. 713.
- Dal' V.I. (1881), „Orevina“, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 2*, Sankt-Peterburg.
- Etimologicheskij slovar' slavyanskij yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond. Vyp. 32* (2005), A.F. Zhuravlev, O.N. Trubachev (red.), Moskva.
- Fasmer M. (1987), „Or“, *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4-h tomah*, t. 3 (Muza – Syat)", Moskva, s. 155.
- Fasmer M. (1987), „Orevina“, *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4-h tomah*, t. 3 (Muza – Syat)", Moskva, s. 150.
- Homenko O.B. (1997), „Knurit“, *Yazyk blatnyh. Yazyk mafiozi. Enciklopedicheskij sinonimicheskij slovar' . T. 1*, <https://law.wikireading.ru/hojrGKQp7R> [dostup: 28.03.2023].
- Istrin V.M. (1920), *Hronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issledovanie, slovar' . Tom I: tekst*, Petrograd.
- Jono Jokūbo Kvanto Biblija* (1735), <http://sr.lki.lt/> [dostup: 28.03.2023].
- Klimavičius J. (1993), *Arklys, žirgas, eržilas, kumelys, kumelė, ašva, ašvienis. Šių žodžių reikšmės ir kilmė*, "Liaudies kultūra", №5. Vilnius, s. 14–16.
- Kretov A.A. (2009), *Etimologiya praslavyanskijh *kьnorzь~ *kьnorь~ *orjь*, "Slavyanskije etimologii. Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta", Voronezh, s. 98–133.
- Lietuvių kalbos etimologinio žodyno duomenų bazė*, etimologija.baltexus.lt [dostup: 28.03.2023].
- Lietuvių kalbos žodynas*, <http://www.lkz.lt> [dostup: 28.03.2022].
- Lietuvių patarlės ir priežodžiai*. (2000–2008), Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, Vilnius, I–II t, s. 27–28.
- McCullough C. (1977), *Erškėčių paukščiai*, <http://libcat.ru> [dostup: 28.03.2023].
- Nacional'nyj korpus russkogo yazyka*, <https://ruscorpora.ru/new/index.html> [dostup: 25.07.2022].
- Plungyan V.A. (2011), *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*, Moskva.
- Pokorny J. (1959), *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, [IEW], <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/index.h> [dostup: 28.03.2023].
- Pokorny J. (1989), *Indo-European Etymological Dictionary Indo-European Lexicon*, Pokorny Master PIE Etyma URL: utexas.edu.
- Sirvydas K. (1713), *Trijų kalbų žodynas*, Vilnius.
- Slovar' russkij narodnyh govorov. Vyp. 13* (1977), Leningrad.

- Slovar' russkikh narodnyh govorov. Vyp. 23* (1987), Leningrad.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 7 (K–Kraguyar')* (1980), Moskva.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 13 (Opas–Otrabotyvatysya)* (1987), Moskva.
- Slovník Jazyka Staroslověnského. Lexikon linguae paleoslovenicae. T. 2.* (1973), Praha.
- Smoczyński W. (2007), *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno.
- Sofijskaya I letopis'* (2000), "Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. VI", Moskva.
- Sreznevskij I.I. (1989), „Or“, *Slovar' drevnerusskogo yazyka. T. 2, ch. 1: L–O*, s. 710.
- Sreznevskij I.I. (1989), „Orevati“, *Slovar' drevnerusskogo yazyka. T. 2, ch. 1: L–O*, s. 706.
- Sreznevskij I.I. (1989), „Oruzhatsiya“, *Slovar' drevnerusskogo yazyka. T. 2, ch. 1: L–O*, s. 709.
- Tihomirov M.N., Milov L.V. (1961), *Zakon Sudnyj lyudem*, Moskva.
- Tvorogov O.V. (2004), *Povest' ob Akire Premudrom*, [v:] *Biblioteka literatury Drevnej Rusi, t. 3. XI–XII vv.*, Sankt-Peterburg.

Streszczenie

O paraleli litewskich wyrazów *eržilas*, *arklys* i staroruskiego wyrazu *or'*

Artykuł jest poświęcony zagadnieniu etymologii staroruskiego słowa *opb* oraz opisowi jego analogii w języku litewskim. Na podstawie wyników analizy słowników języka rosyjskiego i litewskiego (oraz etymologicznych) są komentowane poglądy na semantykę i genezę wyrazów zbudowanych na *opb*. Szczególną uwagę zwrócono na przykłady z gwar rosyjskich oraz kilka kontekstów znalezionych w źródłach staroruskich, w których został zapisany badany leksem. W artykule przedstawiono nowe przykłady słowa *opb* ze starożytnych zabytków pisanych. Wyróżnione cechy semantyki pozwoliły ustalić podstawę wytwórczą wyrazu *opb* na podstawie składowych znaczeniowych zachowanych w jego strukturze semantycznej, a także w słowach języka litewskiego sięgających tego samego rdzenia co rzeczownik *opb*; zaznaczone wspólnie dla znaczeń tych tworów.

Słowa kluczowe: etymologia, leksykologia historyczna, semantyka leksykalna, język litewski

Abstract

On the issue of parallels between the Lithuanian words '*eržilas*', '*arklys*' and the Old Russian word '*or*'

This article is devoted to the etymology of the Old Russian word '*or*' and the description of its parallels in the Lithuanian language. Based on the results of an analysis of etymological and explanatory dictionaries of the Russian and Lithuanian languages, the semantics and origin of words related to '*or*' are described. Special attention is paid to contexts with the word '*or*' found in Old Russian and Lithuanian texts and Russian dialects. The article presents new usages of the word '*or*' from Old Russian and manuscripts. The highlighted features of semantics made it possible to find the derivational base of the word '*or*' based on the semes preserved in its semantic structure, as well as in words of the Lithuanian language that go back to the same root as the noun '*or*'; semes common to these formations are highlighted.

Keywords: etymology, historical lexicology, lexical semantics, Lithuanian language